

АНТРЫНАМИ МЕЖДУНУ

«Entre nous/Между нами»,
режиссер Кристоф Фетрие (Франция).
Театр-студия «Человек»

Сплошное неприличие в эстетике Театра теней.

ГЛАВ СИТКОВСКИЙ

Остро хочется бёф-буп. Аж зубы сводит. Бёф-буп — это что-то из французской кухни. Или, может, из русской. Полной уверенности нет, не пробовал.

Или вот еще ужасно хороши рассейдайки в грибирном соусе. Если вдруг попадете в театр «Человек» — спросите в буфете, у них там наверняка есть.

Между нами говоря, на спектакле «Entre nous/Между нами» может показаться, что французский режиссер намеренно отучил русских актеров говорить по-русски и не позволил выучить французский. И хоть название спектакля двуязычно, отчего-то хочется перевести его на несуществующий язык. Ну, например, «Антрынами междуну» или еще как-нибудь в этом духе.

Актеры (трое мужчин, двое женщин) то и дело непринужденно переходят с русского на никакowski, а в особо волнующие моменты и вовсе начинают подхрюкивать и подтягивать. Язык умер.

Исследуя распад языка, Кристоф Фетрие берет себе в союзники абсурдиста Эжена Йонеско, обзриута Даниила Хармса и современного французского постмодерниста Валера Новарина. Отрывки в этом полторачасовом миксе намешаны, видно, специально не самые расхожие, и ты не всегда с уверенностью ткнешь пальцем: вот это, действительно, Хармс, а это Йонеско. Получается этакий постмодернистский салат. Повар-режиссер сидит рядом, смотрит, как ты пережевываешь, и загадочно улыбается в ответ на вопрос: «А что это вы сюда положили?»

Несколько ингредиентов, Впрочем, не угадать нельзя. Француз-Гиньоль и русак-Петрушка чувствуют себя в краю по имени

Нигде прекрасно. Колошматят себе друг друга дубинками и на здоровье не жалуются. Что может быть нудесней дубинки? Слова гухнут, вянут и отмирают, а дубинка свежа и энергична, как и много веков назад.

Актеры с простодушным удовольствием пользуются самыми известными приемчиками кукольного театра, да и пластика у них такая, что иногда кажется, будто откуда-то сверху к ним протанул свои нити кукловод. Там, наверху, кстати, и вправду кое-кто имеется. Через выдрманную в потолке доску над всеми нами склонился Сергей Летов со своим напарником Владимиром Нелиновым. «Есть музыка над нами», как сказал бы Мандельштам. Насмешливый саксофон — возможно, лучший инструмент для мира, в котором не осталось ни смыслов, ни причин, ни следствий.

Под знаком абсурда прошел весь двадцатый век. На мировую и на театральную сцену тогда впервые вышли люди, которые не слышали, не видели и не понимали друг друга. Воспринималось это как истинная трагедия, и Йонеско как-то написал даже, что действие всех его пьес происходит в аду. Но со временем скорбь по покойнику-языку, как всегда и бывает, поутихла. Нынче молодежь, столпившаяся у овра, развлекается как может — кто за нос жмурика потянет, кто за ухо. Традиция, в рамках которой существует Кристоф Фетрие, хорошо развита в Западе, а у нас ей место разве что на обочине. У нас театр — до сих пор кафедра. Школа жизни и мужества, так сказать. Но до чего, черт возьми, иногда приятно с большой дороги свернуть на обочину. До чего здорово смотреть спектакль и не понимать. Сидишь и думаешь: счастье — это когда тебя не понимают.

Актеры в спектакле то и дело меняют маски и образы. На симках — Александр Шутов и Миллема Цохорба.